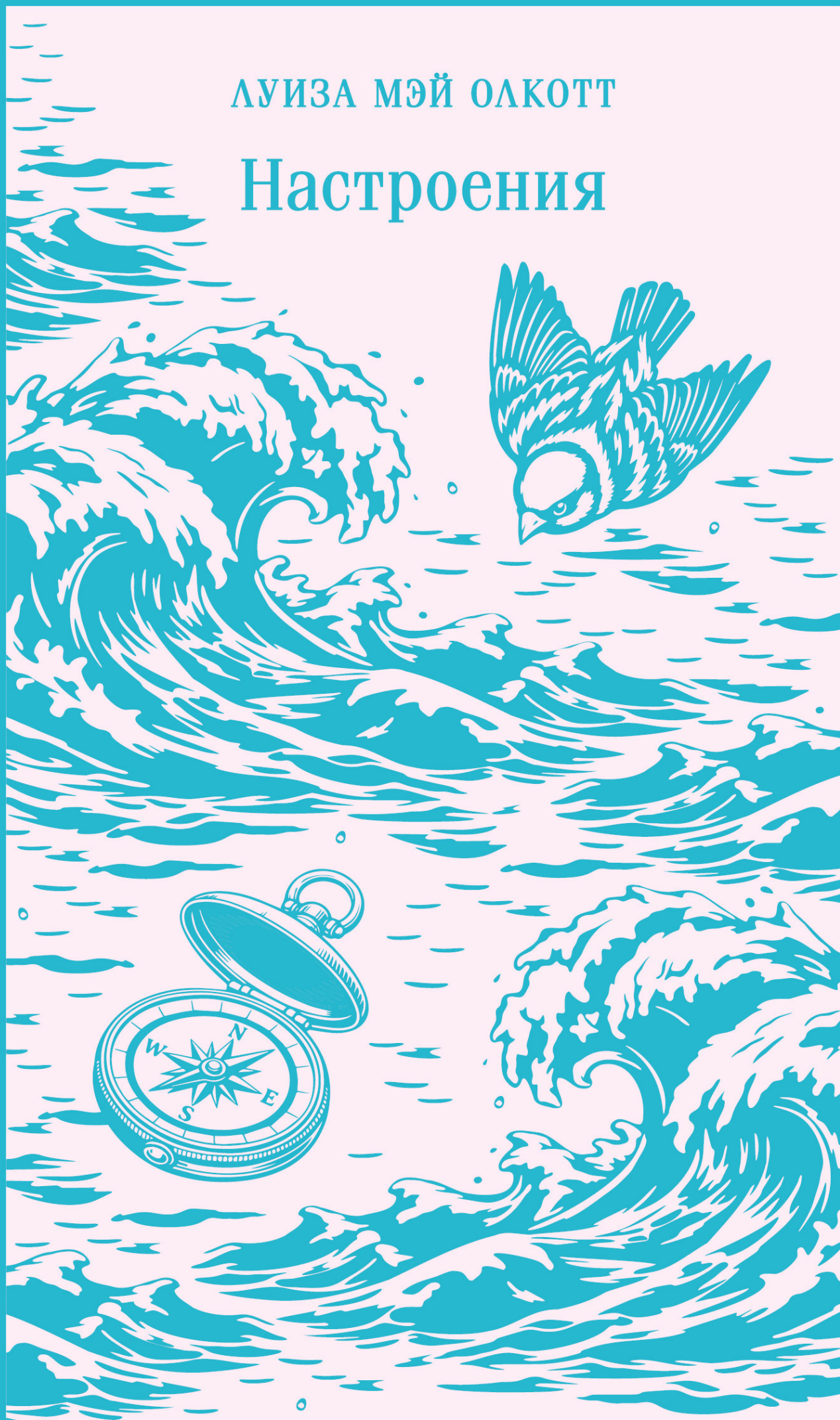


ЛУИЗА МЭЙ ОЛКОТТ

Настроения



Магистраль. Главный тренд

Луиза Мэй Олкотт

Настроения

«ЭКСМО»

1864

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Олкотт Л.

Настроения / Л. Олкотт — «Эксмо», 1864 — (Магистраль.
Главный тренд)

ISBN 978-5-04-250110-4

«Настроения» – роман американской писательницы Луизы Мэй Олкотт, впервые опубликованный в 1864 году. История взросления Сильвии Юл – молодой женщины, пытающейся справиться со взлетами и падениями взрослой жизни и найти свое место в мире. На протяжении всей книги Сильвия переживает целый спектр эмоций и настроений, включая любовь, ревность, грусть и счастье, отсюда и название книги «Настроения». Сильвия Юл, молодая девушка из благополучной семьи, живет размеренной жизнью со своей сестрой Прю и братом Марком. Ее существование меняется, когда она знакомится с двумя мужчинами: поэтом Джеффри Муром, чувствительным и преданным, и Адамом Уориком – страстным, загадочным человеком с темным прошлым. Сильвия сначала воспринимает Мура как друга, не замечая его любви, в то время как Уорик пробуждает в ней глубокие, смутные чувства. Марк и его друзья организуют речное путешествие, во время которого Сильвия сближается с обоими мужчинами, но особенно с Уориком, чья сила и независимость завораживают ее. Мур признается Сильвии в любви, но она отвергает его, считая, что испытывает лишь дружескую привязанность. Позже она узнает, что Уорик помолвлен с другой женщиной, Оттилой, что вызывает в ней ревность и боль. Сильвия решает принять предложение Мура и выходит за него замуж, надеясь найти покой в его нежной любви. Однако после свадьбы Уорик возвращается в ее жизнь, и между ними вспыхивает страсть. Сильвия понимает, что ее чувства к Уорику сильнее, чем к мужу, и оказывается перед мучительным выбором между долгом и желанием. Впервые переведено на русский язык.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-250110-4

© Олкотт Л., 1864

© Эксмо, 1864

Содержание

Глава I	7
Глава II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Луиза Мэй Олкотт Настроения

Louisa May Alcott
MOODS
1864

© Иванов А.Д., Устинова А.В., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава I

Через год

Жизнь – это нить, на которую нанизаны бусины настроений, и когда мы охвачены ими, они оказываются цветными линзами, что окрашивают мир каждая в свой оттенок, являя нам только часть его, ограниченную ее фокусом.

Эмерсон

Комната выходила на запад, но этим вечером сумерки явно не пожелали одарить ее своим безмятежным очарованием. От черной тучи с красной каймой в окно проникли густые тени. Они заполнили все пространство и затаились по углам, будто шпионы, посланные для слежки за человеком, который стоял среди них так безмолвно и неподвижно, что сам был похож на тень. Взгляд его, настороженный и ожидающий, то и дело обращался к окну, но за ним ему открывалась лишь тропически пышная листва. Ее чуть колыхал душный воздух, больше гнетущий, чем освежающий из-за своей перенасыщенности ароматами. Столь же настороженно, как и смотрел, мужчина прислушивался, не улавливая ничего, кроме смешения голосов, топота ног, звона колокола и прочих звуков суматошного города, которые вторглись из суеты дня в ночь, лишив ее покоя. Тем не менее он по-прежнему смотрел, слушал и ожидал чего-то, и вскоре оно случилось. Бриз-невидимка пронесся к нему сквозь необъятную ширь Атлантики и заключил в дружеские объятия его тоскующее по дому сердце. Мужчина высунулся далеко из окна, раздвинул ветви с густой листвой, вдохнул целительный ветер, и сердце, громогласно бившееся в груди, как огненно-красная птица о прутья клетки, утихомирилось, а душа начала наполняться бодростью, которую он считал для себя навсегда потерянной.

В комнате за его спиной тем временем вспыхнул свет, его сияние уничтожило все до единой тени, но он, ничего не заметив и не расслышав шагов, нарушивших тишину, даже не повернулся навстречу женщине, которая ожидала встречи с возлюбленным. От всего ее облика веяло атмосферой роскоши. И вошла она в комнату, как драгоценный камень, посчитавший ее для себя подходящей оправой. Все в ней выдавало прилежную ученицу мира, до того хорошо усвоившую его уроки по части эффектной подачи собственной внешности, что искусство это превратилось в ее вторую натуру. Платье из муслина теплых тонов каждым своим легким колыханием подчеркивало красоту фигуры. Жесты ее были выверены до безупречного изящества. Смуглое лицо с тонкими чертами походило на благородную бронзу. Низкий лоб обрамляли волнистые волосы. В глубине глаз таился огонь. Надменный рот был словно специально создан для ласк и приказов. Глядя на молодого человека возле окна, она какое-то время молчала. На лице ее промелькнули гордость, негодование, нежность и наконец утвердилась уверенная улыбка, с которой она и подошла к нему, произнеся тоном, весьма характерным для языка влюбленных:

– Всего только месяц, как мы помолвлены, а ты уже так холоден и мрачен, Адам.

Чуть отшатнувшись и поглядев на нее хоть и с тщательно подавляемой, но все же мелькнувшей в глазах неприязнью, Уорик откликнулся сардоническим эхом:

– Всего только месяц, как мы помолвлены, а ты тем не менее так влюблена и ревнива, Оттила.

Холеная рука, не дрогнув от таких слов, заключила его в плен объятия, прекрасное лицо, игнорируя холод ответного взгляда, потянулось к нему.

– Ты ведь... меня ожидал увидеть, когда обернулся с такой надеждой в глазах и желанием? – с уверенностью и, одновременно с этим как будто пытаясь его убедить, спросила она.

– Нет.

– Значит, друга более прекрасного и близкого?

– Да.

Черные брови ее угрожающе изогнулись, губы сжались, глаза заблестели, рука обхватила его крепче прежнего, а голос, только что вкрадчивый, зазвучал повелительно:

– Назови имя, Адам.

– Самоуважение.

Она тихо рассмеялась. Жесткость с ее выразительного лица ушла, уступив прежней нежности, которой снова исполнился взгляд. Вот только ей было решительно непонятно, отчего он-то смотрит на нее с таким укором.

– Я ждала два долгих часа. Странно, любимый мой, что ты не встретил меня как-нибудь подобнее.

– Зато я никогда не был так искренен. Как, Оттила, по-твоему, следует поступить человеку, если ему вдруг сделалось ясно, что он малодушно принял решение опрометчивое или вовсе жестокое? Как следует ему дальше себя повести?

– Раскаяться и начать вести себя по-другому. Нужно ли мне такое тебе объяснять?

– Я раскаиваюсь, но сможешь ли ты мне исправиться?

– Признайся мне во всем, дорогой грешник. Я тебя исповедую и отпущу грехи прошлого, какими бы тяжкими они ни были.

– То есть не существует ничего такого, на что бы ты не смогла пойти из любви ко мне?

– Я на все ради тебя готова, Адам.

– Тогда верни мне свободу. – И, встав очень прямо, он простер к ней руки в мольбе исполнить его желание.

Она отшатнулась, как от удара. Улыбку стерло с ее лица. В глазах мелькнул страх.

– Ты это всерьез? – сурово осведомилась она.

– Совершенно. Сейчас, окончательно и навсегда.

Размахнись и ударь он ее, она бы перенесла это легче такого ответа. На мгновение застыв, как перед внезапно разверзшейся пропастью, которую невозможно преодолеть, Оттила затем с такой силой вцепилась в его простертые руки, что они побелели.

– Нет! Я не сделаю этого! Я так долго ждала твоей любви, что не могу от нее отказаться! – выкрикнула она.

Происходящее представлялось ей невероятным, Уорика же ее протест побудил к еще большей категоричности. И, оттолкнув ее от себя, он произнес тоном очень суровым, каким говорят, когда опасаются вселить хоть тень напрасной надежды:

– Ее у тебя никогда не было, поэтому и отказываться тебе не от чего. Нет, подожди возражать, сперва выслушай. Не потерплю уговоров, которыми ты попытаешься сбить меня с пути. Я тебе сейчас все выскажу с полной определенностью. Хватит иллюзий. Достаточно нам таиться и друг от друга, и от самих себя.

– Адам, как ты жесток!

– Пусть лучше я покажусь жестоким, чем буду вероломным. Предпочту ранить сейчас твою гордость, чем потом твое сердце, когда ты слишком поздно поймешь, что женился я на тебе без доверия, уважения и любви. Выслушай хоть раз в жизни правду, настолько ясную, насколько ее можно выразить словами. Узнай меня с лучшей и худшей моей стороны. Пойми, что в тебе мне открылось. Оглянись на прошлую нашу жизнь. Посмотри вперед. И если найдется в тебе хоть капля искренности, ты будешь вынуждена признать, что толкаешь меня на несправедный путь. Воздействуя на мои измененные инстинкты, ослепляешь меня. Заставляешь видеть в тебе человека иного, чем ты есть на самом деле, верить в благородство твоих устремлений, которых на самом деле нет. Мыслимо ли на такой основе строить прочное счастье?

– Продолжай. Я внимательно тебя слушаю.

Сознавая, что больше не в силах полностью управлять его волей, она посчитала за лучшее склониться перед ней ради своей любви к нему.

По лицу Уорика скользнула презрительная улыбка. Он поймал взгляд Оттилы и быстро продолжил, не делая пауз для выбора слов помягче и не смягчая остроты ситуации, ибо, наоборот, вдохновлялся решимостью назвать наконец вещи своими именами, хотя, даже резко обрушиваясь на сладкую фальшь, которой Оттила так долго его обволакивала, не утрачивал пылкого сердца и душевного благородства.

– Я мало о таком знаю и еще меньше склонен узнать, но, думаю, немногие влюбленные прошли через то же, что мы с тобой, или нечто похожее. И женщин столь властных, как ты, мне встречать никогда еще не приходилось. Я тоже из тех, кто привык руководствоваться только собственной волей. Это главная сила, которой мы с тобой в равной степени обладаем. И, как короли с королевами оставляют на время титулы за порогом личных апартаментов, давай-ка и мы сейчас снимем маски и предстанем друг перед другом такими, как нас видит Бог. Наша помолвка должна быть расторгнута, и, позволь, я тебе сейчас объясню почему.

Три месяца назад я приехал сюда, спасая разум и кровь от холода арктической зимы, но мне стало от этого только хуже. Огонь, разведенный в попытке растопить лед, выпаривает из меня добродетель, я лишусь ее окончательно, если немедленно не погашу пламя. И я намерен его погасить. Потому что приверженность заповедям ничего не стоит, если в душе ежедневно их нарушаешь.

Он умолк, будто бы умиряя великодушием слишком яростные слова, которые едва не произнес, и, когда снова заговорил, в его голосе слышалось больше укора, чем гнева.

– До знакомства с тобой, Оттила, я любил из всех женщин на свете одну только мать. Расположения прочих не добивался. Обходился без дружбы с ними и без любовниц. Вел жизнь аскетичную, как монах. Довольствовался свободой своей и работой. Позволь же и дальше мне сохранить независимость. Разве мало вокруг мужчин, которым, в отличие от меня, духовное рабство не покажется тягостным? Неужто лишь я один представляюсь тебе достойным неукротимой твоей жажды власти?

– Разве я добивалась тебя, Адам?

– Да. И вынужден отдать должное твоему искусству скрытого покорения. Ты избегала меня, вынуждая искать тебя и спрашивать почему. Беседы, которые у нас завязывались как бы сами собой, были полны виртуозных женских уловок. Ты с настойчивостью завоевателя при-манивала меня множеством средств. Вела себя со мной так, что встречи с тобой стали казаться мне освежающим ветром в душном климате страстей. Скрывая истинную свою суть, прикидывалась человеком, который мог меня неизбежно расположить. Мои убеждения ты встречала восторженно. Поддерживала мои амбиции с таким сочувствием, что твоя искренность не вызывала у меня сомнений. Делала вид, будто так же, как я, презираешь фальшь. Ты казалась очень серьезной и жаждущей поступать правильно. Идеальной спутницей для мужчины, который ищет себе не игрушку, а соратницу. Сколько же воли, ума, сил и выдержки тебе потребовалось, чтобы осуществить такой план. Как хорошо изучила ты добродетели, наличие у себя которых так умело разыгрывала. Сложись по-другому, не оказался бы я в таком положении, как сейчас.

– Твоя похвала мной заслужена, несмотря на то, что высказываешь ты ее далеко не почтительно.

– Больше похвал не будет. А если я непочтителен, то потому, что презираю обман, в который ты хитростью заманила меня, заставив впервые с презрением отнестись к самому себе, и напиток этот горек. Прислушайся же, отнесись к словам моим как к моему оправданию и одно учти, а другое прими. Ты действительно мне представлялась такой, какой хотела казаться, пока под неискренним твоим дружелюбием мало-помалу не начала проглядывать истинная твоя цель – покорить, подавить, сделать мужчину безропотной своей собственностью. Ты пленяла мой взгляд своей красотой, слух – мелодичностью своего голоса, гордость – тонко сплетенной

лестью. Мне становилось все интереснее с тобой. Я гнал от себя призыв лучшей части своей: «Уезжай!» – и по-прежнему оставался. Ты же исподволь, осторожно подводила к решительному удару, когда, будто бы принося как великую жертву девичью свою скромность, призналась в любви ко мне, которую больше не можешь таить. Точно вишенкой увенчала готовый торт.

Смуглые щеки Оттилы заалели краской стыда, в глазах блеснул гнев, и она, не сумев сдержать свой мятежный дух, ответила:

– Тогда получи от меня своим же оружием – голой правдой. Твоя непокорность была так сильна. И да, я старалась намеренно. Старалась ее потушить всеми силами.

– Правда так правда, – откликнулся Уорик. – Смотри же и на меня, в лучшем и в худшем виде.

И, бросив с восхитившей Оттилу отвагой себе под ноги гордость, он заставил ее понять, что она теряет его именно из-за своей неспособности к тому же.

– Не стану прикидываться и отрицать очевидное. Напротив, искренне признаю вопреки тому, что всегда считал себя сильной натурой: чары твои меня покорили. Узнай, к своему удовольствию, сколь для меня ни трудно такое произнести, а еще труднее – чувствовать. Протягиваю тебе свою откровенность как милостыню, но помни: мы вместе остались в проигрыше. Ведь из всех чувств, что питают твое бурное сердце, самое сильное у тебя ко мне, оно-то тебе и станет возмездием. Ты сама его навлекла. Окрыленная первым успехом, который показался победой, ты слишком быстро забыла об образе, в который сперва так тщательно облачилась – чтобы привлечь меня. Я показался тебе уже достаточно ослепленным любовью, но любви-то не было, и этот последний месяц дал мне возможность попросту разглядеть тебя истинную. Женщину сильных страстей и слабых принципов. Жаждущую любви и сосредоточенную на удовольствиях. Искусную лгунью, с легкостью подавляющую в себе лучшие, но запущенные качества души. Оттила, я не верю тебе. Не уважаю себя за ту страсть, которую ты во мне пробуждаешь. И решительно не готов подчиниться власти, которую ты пытаешься надо мной утвердить.

– Ты уже не сможешь без нее. Слишком поздно.

Едва эти слова сорвались с ее уст, как она осознала их опрометчивость. Строгое и серьезное лицо Уорика полыхнуло негодованием, кулаки добела сжались. В глазах сверкнул стальной блеск. Губы скривились, как в сожалении о допущенной прежде слабости. И голосом, нарочито тихим, за которым прятался обузданный гнев, он произнес:

– Слишком поздно? Ну нет. Пусть даже бы нам предстояло час спустя венчание, я все равно бы решился нарушить клятву, и Бог бы меня простил. Потому что никто не имеет права обречь себя на пожизненную ложь. Ты превращаешь мой отказ от такого проклятия в тяжелую битву. Ладно, коль дружба твоя со мной нечестна, а вражда лишена великодушия. Вынужден выбирать с боем из западни, раз уж в нее угодил, и сделаю это. Мир достаточно полон дьявольских козней, чтобы мы с тобой добавили к ним еще и свои.

– Ты не сможешь уйти с честью, Адам.

– Я не смогу остаться с честью, Оттила. И не испытывай слишком мое терпение. Хочу сохранить справедливость. Признаю, что был слаб. Разве этого тебе не достаточно? Готов к любым твоим упрекам. Обрушь на меня свой гнев, если гневаешься. Взывай к сочувствию тех, кто расценивает ситуацию по-другому, чем я. Сокрушайся. Брось вызов. Я все стерплю и пойду на любую жертву, но тверд в стремлении расстаться с тобой. Ибо есть для меня закон выше тех, по которым живет твой мир, и мне следует подчиниться ему как ради себя, так и ради тебя.

Он признавался ей благородно в собственной слабости, отдавал дань ее силе, а она смотрела на него, с болью осознавая, что сама оказалась под властью куда мощнее той, от которой ему не терпелось спастись. Ибо попала в сеть, собою сплетенную, и этот мужчина стал для нее не рабом, а желаннейшим повелителем. Неужто чересчур поздно пытаться его удержать? Она понимала: любые мольбы будут тщетны. Слезы пролить, что воду на камень. И мастерством,

которым она когда-то его покорила, ныне уже ничего не исправишь. Уорик слишком хорошо научился ее читать. И теперь, когда маски, все до одной, сорваны, единственная ее защита – невозмутимость. А единственное оружие – запоздалая откровенность.

Ей хватило ума для трезвой оценки сил и мудрости, она сумела правильно ими воспользоваться, благодаря чему кое-какие утраченные позиции были ею возвращены и появилась надежда, что остальное отвоюет безмолвный труд красоты.

– Я тоже хочу сохранить справедливость. – Она устремила на него взгляд, чуть померкший от непролитых слез. – Не упрекаю, не сетую, не бросаю вызов, а просто верю судьбу свою в твои руки. Все, что ты обо мне сказал, верно, но помни о милосердии и поверь: в двадцать пять лет не поздно еще измениться, пробудить лучшие свои качества и избавиться от дурных, которые принесли мне скверное воспитание и сиротство. Ты же сам признаешь во мне сильную волю и жажду победы. Разве не хватит у меня сил стать на самом деле той женщиной, какой я тебе представлялась? Любовь способна на чудеса гораздо более удивительные. Так что ж мне помешает? Тем более я ведь и прежде жаждала стать правдивее и лучше, чем есть. Чувствовала, что понапрасну растрачиваю свою жизнь. Жила подспудно во мне другая натура. Но не было рядом со мной никого, кто мог своими мудрыми советами пробудить мою душу. И вот наконец появился ты. Удивительно ли, что я старалась тебя присвоить, Адам? Тебя, который, будучи рядом, становится миссионером любому, кто блуждает во тьме, не в силах выбраться к свету истины. Тебя, способного за коконом нищеты увидеть богатую душу. Я нищая в твоих глазах? Так протяни же мне руку и спаси от себя самой.

Ее призыв к милосердию оказался тем самым выпадом, что единственный был способен найти уязвимое место в броне его гордости. Но даже пробив своим разящим клинком доспехи презрения Уорика, Оттила не одержала победы. Потому что важнее милосердия Адам Уорик считал справедливость, к голосу разума прислушивался внимательнее, чем к порывам сердца, и наиболее достоверными ему представлялись выводы, вынесенные из опыта, а они обличали в Оттиле женщину, очень далекую от его ожиданий. Все в ней было наигранно. Благородство стремлений, столь естественное для многих, она лишь изображала. Старательно потрудились над образом, но от сути ее он был далек, и рассчитывать на долгосрочное счастье с ней ему, Уорику, не приходилось, да и Оттила вряд ли с ним будет счастлива. К выводу этому он пришел в час спокойных раздумий, и потому сейчас его не могли поколебать даже самые хитроумные атаки.

– Могу предложить тебе только тот горький напиток, что выпил сам, – мягко, но с прежней непреклонностью отозвался он. – Моя воля и сила от него окрепли. Готов чем хочешь помочь, прощаю от всего сердца, но не смею на тебе жениться. Нас связывает одна лишь страсть без любви. В чувствах твоих нет тепла добродетели. А ведь именно этот дар делает женщину не только желанной, но и уважаемой. Для меня он превыше молодости, красоты и всех мирских благ. Я должен чтить женщину, на которой женюсь. Чувствовать к ней привязанность, пробуждающую во мне самом мужество и самые благородные качества. С тобой же я стану либо рабом, либо тираном. И становиться ни тем, ни другим решительно не хочу. Лучше всю жизнь провести в одиночестве, чем лишиться свободы, которую так трепетно оберегал. Лишиться ее, подавшись мгновенному импульсу? Навсегда обесценить жизнь?

Он обвинял справедливо и веско, как сама совесть в мужском обличье. Колени у Оттилы подогнулись. Она осела подле него, сраженная жгучим разочарованием. Но даже сейчас неукротимая ее воля отказывалась терять надежду.

– Уходи, – тихо сказала она. – Я недостойна спасения. И все-таки тяжело... Как тяжело терять единственного достойного. Единственного, у кого есть сила спасти меня. Единственного, кто мог бы стать мужчиной всей моей жизни.

Уорик, ждавший бурного взрыва негодования, был поражен покорностью, с которой она приняла его доводы. За кратким, кратким и жалобным ее ответом ему послышались нотки

искренности. Она взывала о помощи, и бастионы его дрогнули. Он помолчал какое-то время, обдумывая, как правильное поступить. Оттила, спрятав лицо и плача, с надеждой ждала хоть малейшего знака смягчения своей участи. То была молчаливая битва. Одна из тех, начало которым положено Далилой, тайно состригшей волосы с головы Самсона. Подобные битвы до сих пор полнят мир, обрекая кого на одиночество, а кого связывая чередой зол брака, заключенного по скороспелой прихоти, а не в союзе сердец, верных друг другу и в радости, и в горе.

Великодушные одержало верх. Молчание Уорика оказалось Оттиле во благо. Она поняла это тотчас же, как он нарушил его, с жаром проговорив:

– Ты права. Тяжело и несправедливо, если ошиблись двое, а страдает только один. Мне не хватило мудрости вовремя распознать опасность и достаточной смелости, чтобы ее избежать. Это моя вина, и считаю долгом своим во имя ее искупления утишить боль, которую причинил тебе своей безрассудностью. Вот тебе жертва. Самая большая, что я могу принести. Ты говоришь, любовь творит чудеса и твоя любовь ко мне – главное в твоей жизни. Так докажи на деле свои слова. Тебе удалось покорить меня за три месяца. Сможешь ли покорить теперь себя за двенадцать?

– Испытай меня.

– Попробую. От урожая до урожая в природе проходит год. Даю тебе тот же срок. Если ты посвятишь этой задаче хоть половину энергии и стараний, которые отдала на мое покорение, может быть, у тебя получится взлелеять в себе те качества, благодаря которым начнешь вызывать к себе уважение и сама себя уважать. Я же готов со своей стороны попытаться стать более подходящим в качестве мужа и обязуюсь хранить этот год верность нашей помолвке. Могу ли сделать для тебя больше?

– Не посмела бы попросить так много, но постараюсь справиться. Только люби меня, Адам. В этом мое спасение.

Раскрасневшаяся, дрожа от радости, она вскочила на ноги, но, как оказалось, лишь для того, чтобы ее настиг новый удар.

– Тогда прощай, – протянул ей руку Уорик.

– Уезжаешь? Но ты же должен остаться и помочь мне выдержать испытание.

– Нет. Если твое стремление хоть чего-то стоит, ты достигнешь цели самостоятельно. Будучи рядом, я только помешаю тебе добиться чего-то путного, да и со своей задачей не справлюсь.

– Куда же отправишься? Надеюсь, недалеко, Адам?

– Прямоком на север. Эта роскошная жизнь изматывает меня. Бацилла рабства витает в здешнем воздухе. Боюсь, я уже заразился. Теперь должен выстроить себя заново и обрести в себе человека, которым был.

– А когда хочешь уехать? Надеюсь, не очень скоро?

– Немедленно.

– Но весточку от тебя получу?

– Не раньше, чем возвращусь.

– Как же так? Мне понадобится твоя поддержка. Хоть слово, хоть мысль от тебя. Год – это очень долго для ожидания и труда над собой в одиночестве.

Она изо всех сил молила его голосом, глазами, нежностью губ. Но Уорик не сдался.

– Если нужно себя испытывать, то уж по-честному. А для этого мы должны полностью отдалиться друг от друга, проникаясь духом спасительной добродетели путем самоотречения и самопомощи.

– Но ты ведь, Адам, меня забудешь. Вот встретится тебе вдруг какая-то женщина, полюбит тебя той любовью, какой ты хочешь, и, когда я завершу свой труд, он окажется совершенно напрасным.

– Ничто не напрасно, если исполнено хорошо. Такой труд сам по себе награда. И урок запомнится на всю жизнь. Смело берись исполнять свое обещание, а я от всего сердца исполню до конца года свое.

– А потом? Что потом?

– Если увижу прогресс и возникнет основа для прочного союза, а длительная разлука не умалит наших чувств, тогда, Оттила, я на тебе женюсь.

– Но если за это время у тебя появится более близкая тебе по взглядам и спокойная женщина, что тогда?

– Тогда я на тебе не женюсь.

– Значит, твое обещание – просто мужской ответ, данный лишь, чтобы его нарушить. Я не верю тебе.

– Думаю, все же веришь. Время на глупости вышло. Теперь я спешу возместить потерю зря потраченных дней. Или не зря потраченных, так как мне это урок на будущее. Уверен, что не влюблюсь.

– Три месяца назад ты был уверен в том же, а теперь влюблен.

Оттила торжествующе улыбнулась. Уорик пусть и с надменным видом, но покраснел.

– Пусть так, – произнес он неохотно, как бы вынужденно признавая доказанный факт. – Но даже если и полюблю снова, стану молча ждать до исхода нашего с тобой срока. Пока ты не освободишь меня от обещания. Это тебя устраивает?

– Наверное. Но ты приедешь, какие бы изменения ни случились? Пообещай мне.

– Обещаю.

– Так быстро собрался в путь. Подожди немного.

– Когда чувствуешь, что зовут долг, медлить пагубно. Спокойной ночи.

– Оставь мне хоть что-нибудь о себе на память. У меня же ничего нет. Ты не из щедрых возлюбленных.

– Я щедр, Оттила, в деяниях. Дарю тебе год свободы. Драгоценность, которая для меня самого превыше всех прочих ценностей жизни. А теперь добавляю еще вот это.

Он притянул Оттилу к себе, поцеловал в алые губы. Она, охваченная надеждой, завоеванной столь высокой ценой, прильнула к нему, и, когда он окинул ее сверху вниз внимательным взглядом, лицо его стало несчастным и скорее по-женски, чем по-мужски сожалеющим. В комнате на мгновение сделалось очень тихо. Лишь ветерок шептал за окном. Уорик замер. Его охватили сомнения. Аскетизм показался ему вдруг слишком суровой участью. Может, не убегать от Оттилы – единственной во всем мире женщины, очень красивой женщины, которая вызвала у него столько чувств, скованных прежде холодом долгих лет одиночества? Так ли уж страшно подчиниться ей, позволяя холить себя и лелеять и отвечая тем же? Долгий вздох, полный томительного желанья, вырвался из его груди. Губы Оттилы чуть дрогнули от легкой улыбки, когда она прижалась нежной, как бархат, щекой к его щеке.

– Любимый, ты остаешься? – тихо спросила она.

Он вырвался из ее объятий точно с такой же резкостью, как если бы оглушительно выкрикнул: «Оставь меня!»

– Адам, вернись ко мне! Вернись!

Страстный призыв заставил его оглянуться через плечо. Оттила была прекрасна. Ее сияющее теплым светом лицо обещало жизнь, полную неги и роскоши, но он, вполне уже овладев собой, вышел в ночь, лишь бросив ей на прощание:

– Через год.

Глава II

Прихоти

– Сильвия, уже девять часов. Вставай! Поднимайся, ленивая соня. Или все утро проспав собралась? – Мисс Юл шумно ворвалась в комнату младшей сестры. Сама она выглядела совершенно проснувшейся и относилась к тем бодрым натурам, которые воспринимают сон как неизбежное зло, стараясь каждый раз поскорее разделаться с ним.

– А зачем подниматься? – Сильвия отвернулась от света, хлынувшего потоком в комнату, едва Прю раздвинула шторы и подняла оконную раму.

– Зачем? Станный вопрос, если ты только не заболела после нашей долгой вчерашней гребли. Вообще-то я опасалась, что она не пойдет тебе на пользу, а мои опасения чаще всего сбываются.

– На сей раз они не сбылись, и я ни от чего совершенно не пострадала. Меня просто все утомляет, и я совершенно не вижу смысла вставать. Задерни, пожалуйста, занавеску и оставь меня в покое. Я вылезу из кровати, только когда у меня возникнет для этого повод.

– Повод? – Прю понизила голос до зловещего шепота, который так раздражает нервных людей, здоровы они или больны.

Сильвия нетерпеливым жестом прикрыла рукой глаза, а мисс Юл все тем же раздражающим шепотом продолжила:

– Дитя мое, прекрасных поводов, чтобы встать, множество. Стоит только задуматься. Вот тебе мое предложение. Брось кукаться и хандрить в такой прекрасный день. Хорошенько позавтракай. Почитай газеты, а потом поработай в саду, пока не стало слишком жарко. Это полезное занятие, но ты, к сожалению, последнее время им сильно пренебрегала.

– Не хочу завтракать и ненавижу газеты. Они полны лжи. И от сада устала. Там в этом году все идет не так. Терпеть не могу такие занятия хотя бы за то, что они полезны. Нет, я не встану ради чего-то подобного.

– Ну, оставайся дома. Рисуй, читай, займись музыкой, посиди в студии с Марком, объясни мисс Хеминг, что ей надо сделать с твоими летними вещами. Или поезжай в город за новой шляпкой. Там, кстати, дают дневной спектакль. Сходи на него. Или нанеси визиты. Тебе надо сделать как минимум пятьдесят ответных. Уверена, для нормального человека найдется достаточно и дел, и развлечений, – торжествующе заключила Прю, но Сильвия продолжала неразумно канючить:

– Надоело мне рисовать. В моей голове уже каша из чужих идей. Пианино герр Педальштурм расстроил. Марк, стоит зайти к нему, тут же заставляет меня позировать, а мне не нравится, когда я вижу на всех его картинах свои глаза, руки и волосы. Мисс Хеминг замучает меня сплетнями. Совсем уж противно. Даже гораздо хуже суеты вокруг новых вещей, которые мне не нужны. Шляпки для меня пытка. Дневные спектакли кошмарны. Публика на них шепчется, флиртует, заглушая и музыку, и речь актеров. Бегать из дома в дом с визитами и прикидываться, будто слушаешь с интересом презрительные пересуды о соседях? Нет, нет. Ни для чего этого я не встану.

Прю, опершись на столбик кровати, о чем-то размышляла с тревогой на лице и, осененная новой идеей, радостно воскликнула:

– Мы с Марком собираемся утром навестить Джеффри Мура. Он только что вернулся из Швейцарии. Там сестра его умерла, бедняжка. Тебе обязательно нужно поехать с нами. Помнишь его ты, конечно, плохо, он очень давно здесь не был, но все же с твоей стороны, как члена семьи, приезд к нему окажется достойным жестом, да и самой на пользу пойдет.

Джеффри тебе обрадуется, а ты увидишь его прекрасный дом. Ты же не видела его изнутри, поэтому не можешь сказать, что он тебе надоел.

– А вот и могу. Там ведь теперь хозяин. И стало иначе, чем прежде. Мне в этом месте уже не удастся ходить свободно и уединенно. А новые люди меня вечно разочаровывают. Особенно если я чуть не с рождения слышу о них сплошные похвалы. О, до чего же знакомое имя. Но самого его я не помню, знакомиться с ним не желаю и ни для какого Джеффри Мура не встану. Так что приманка твоя не сработала.

Обескураженность старшей сестры вызвала у Сильвии невольную улыбку, однако Прю в таких ситуациях боролась вплоть до последнего средства. Энергично запустив руку в карман, где лежало много полезных вещей, она извлекла оттуда крохотный стеклянный сосудик, который был тут же протянут Сильвии со словами:

– Я оставлю тебя в покое, если ты съешь вот эти засахаренные сливы с ромашкой. Они так успокаивают. Съешь их и спокойно заснешь вместо того, чтобы изводить себя мнимыми неприятностями, а к полудню проснешься, готовая вести себя как цивилизованное существо. Всего четыре маленькие вкусные сливы. Съешь их, доставь мне удовольствие!

Сильвия безропотно взяла у нее лекарство, но миг спустя сосудик вылетел из окна и, упав внизу на дорожку, разбился.

– Я приняла твое средство единственным способом, которым согласна такое принять, – равнодушно расхохоталась она. – Но все равно можешь быть довольна. Оно теперь воробьев успокоит.

– Прекрасно. Тогда посылаю за доктором Баумом. Теперь-то я уж точно убеждена: ты болеешь. Спорить с тобой, когда ты в таком склочном настроении, будто бы против ветра идти. Поэтому я просто поступлю так, как считаю нужным. А разговоры продолжим не раньше чем успокоишься.

Но когда Прю повернулась, намереваясь уйти, Сильвия прокричала ей в спину:

– Не утруждайся хлопотами. Приведешь доктора Баума, и он тут же отправится следом за сливами с ромашкой. Что может знать о здоровье этот немец, похожий на бочку со светлым пивом и вечно твердящий о пользе квашеной капусты? Принеси мне лучше нормальные засахаренные сливы. Их я, пожалуй, съем. Но всякие там мышьяк, ртуть и паслен принимать отказываюсь.

– Ты очень обидишься на меня, если я спрошу, надо ли тебе прислать завтрак в постель, или пускай подождет, пока ты сама сообразишь спуститься?

Прю выглядела донельзя спокойной, но Сильвия, наговорив ей кучу обидного, вдруг схватилась. Хмурость с ее лица как стерло. Она улыбнулась. Притянула к себе сестру и, охваченная одним из порывов великодушия, которые тоже были ей свойственны, самым нежнейшим образом поцеловала ее.

– Дай хоть чуточку времени, дорогая старушка. Позволь, пока я такая усталая и сердитая, побыть от всех подальше, подремать и прийти в себя. Мне нужны сейчас лишь одиночество, глоток воды и поцелуй.

Прю, немедленно успокоившись, поспешно выполнила все ее просьбы и заторопилась к бесчисленным мелким заботам, которыми с таким удовольствием насыщала свою жизнь, а Сильвия, стоило двери за старшей сестрой закрыться, с протяжным и облегченным вздохом подложила руки под голову и унеслась в страну снов, где нет места тоске.

Она пролежала все долгое летнее утро, забыв окружающий мир, то погружаясь в сон, то грезя наяву, пока ее брат по пути к обеденному столу не пробарабанил по ее двери свадебный марш. Тут жажда мести побудила ее наконец встать и припустить вниз следом за Марком, но не успела она произнести ни слова, как Прю разразилась безостановочной речью в типичной для этой доброй души манере хаотично смешивать все подряд – новости, сплетни, частные

мнения, общественные дела, местные события. Неимоверная каша, утомительная для умов слушателей, чья смешливость, в свою очередь, утомляла саму Прю.

– Сильвия, наш визит прошел идеально. Тебе привет от Джеффри. Я пригласила его на ужин. Ужинать будем в шесть. Тогда мой отец сможет тоже к нам присоединиться, но сперва я должна съездить в город. Куча дел требует внимания. Нельзя все лето ходить в повседневной одежде. Надо к ужину приодеться. Мне для него кое-что нужно. Обязательно расстелем ковер. У Джеффри в библиотеке лежит такой хорошенький ковер. А миссис Бек? Благополучно ли перенесла операцию на ноге? Еще я уточню, действительно ли Фредди Леннокс умер. И закажу москитные сетки. И, пожалуйста, не читайте весь день. Будьте готовы принять любого, если я вдруг не успею вернуться вовремя.

Вынужденная прожевать кусок, положенный в рот, Прю умолкла, и Сильвия тут же воспользовалась предоставленной паузой, чтобы навести брата на любимую его тему:

– Ну, Марк, как там твой святой?

– Столь же солнечная душа, как прежде, хотя пережил достаточно, чтобы состариться и посуроветь. Он именно тот, кого не хватало этому месту и особенно нашему дому. Мы, увы, иногда оказываемся унылой компанией. Его присутствие явно пойдет нам на пользу.

– Ох, что со мной станется, если это благочестивое, скучное, совершенное существо начнет бродить по дому, вечно указывая мне на все допущенные просчеты! – воскликнула Сильвия.

– Зря тревожишься. Вряд ли он вообще обратит на тебя внимание. Да к тому же ленивой капризной мошке не подобает судить незнакомого человека и насмехаться над ним, если тем более человек таков, что тебе и после знакомства не хватит ума понять его, – бросил высокомерно Марк.

– Внешность этого твоего святого мне, впрочем, понравилась, – с ехидной усмешкой сказала Сильвия, приступая к еде.

– Где же ты его видела? – удивился брат.

– Ходила туда вчера. Захотелось, прежде чем он приедет, прогуляться напоследок по заброшенному саду. Мне казалось, его появления только еще ожидают. Откуда мне было знать, что он уже там? Поэтому я, как увидела дверь в дом открытой, проскользнула внутрь и заглянула, куда захотелось. Ты права, Прю. Этот старый дом прекрасен.

– О, Сильвия, умоляю, не томи и признайся. Ты совершила что-то неженственное и неподобающее?

Расстроенное лицо Прю и изумленное брата впечатлили Сильвию, и она с видом довольным, но скромным, вдохновенно продолжила:

– Было приятно бродить по дому, а уж библиотека там оказалась такая очаровательная, что я не смогла уйти, пока как следует там не порылась. Чудесное место для каждого, кто так же, как я, любит книги и для кого они лучшее украшение нашего мира.

– Надеюсь, Мур не застал там тебя?

– Нет, это я застала его за игрой. Потом, уже после библиотеки. Долго в ней я пробыть не осмелилась и одолжила одну очень интересную старую книгу и...

– Сильвия! Книгу? Без спроса? – перебила Прю, охваченная столь же сильной тревогой, как если бы уличила сестру в краже ложек.

– Да. И что тут такого? Просто потом изящно извинюсь, и он позволит мне снова брать свои книги. Хочу в ближайшие полгода как следует попользоваться его библиотекой.

– Вопиющая вольность. Как грубо... Боже мой! Боже мой! Он до того любит свои книги. Оберегает их, словно они его дети. Кончено. Я умываю руки. Готова теперь ко всему.

Марку проделки Сильвии доставляли слишком сильное удовольствие, чтобы ее за них осуждать, и он лишь рассмеялся, когда одна из сестер ужаснулась, а другая спокойно продолжила:

– Я бережно положила книгу в карман, отправилась в сад, но, Прю, мне не удалось там сорвать ни одного цветка. Потому что за изгородью тут же послышался смех маленькой Тилли, а потом незнакомый голос. Она с кем-то там разговаривала. Я встала на валик ручного катка, чтобы посмотреть, и чуть с него не рухнула. По ту сторону изгороди лежал на траве долговязый мужчина, вокруг него бесились дети садовника. Уилл копался в его карманах, Тилли ела клубнику из его шляпы, время от времени ему самому по яголке клала в рот, а этот мужчина им радостно улыбался. Приходилось тебе когда-нибудь видеть столь идиллическую картину, Марк?

– А ему, случайно, не пришлось увидеть твою любопытную голову над изгородью?

– Нет, все вышло несколько иначе. Он так дружелюбно смотрел на них, что-то им увлеченно рассказывал. Будто отец с детьми или дядя с любимыми маленькими племянниками. Но мне недолго пришлось наблюдать за этой милой компанией. Тилли вдруг подняла глаза и сказала: «Там Сильвия». Я пустилась наутек. Так и ждала, что они кинутся следом с криками: «Держи вора!» Вполне бы мне поделом. Но за стеной только смех послышался.

– Будь у меня сейчас больше времени, постаралась бы втолковать тебе, что подобные выходки дики и недопустимы, но, так как я очень спешу, ограничусь мольбой: никогда больше не твори такого в доме Джеффри, – сказала Прю, поднимаясь на ноги при виде подъезжающего к крыльцу экипажа.

– Это я твердо могу тебе обещать, – ответила Сильвия, провожая унылым взглядом отбывающих в город брата с сестрой.

Время, назначенное для визита, настало, дверь дома мистера Юла была гостеприимно распахнута, но Мура никто не встретил. И тишина стояла такая, будто дом вымер. Озадаченный, но не особенно, так как Марк и Прю повстречались ему, когда ехали в город, он произнес про себя: «Лодка, видимо, опоздала», побыл немного в гостиной и, относясь к натурам, которые всегда умеют сами себя развлечь, принялся изучать, изменился ли дом за время его отсутствия. Путешествовал он по комнатам, однако, недолго. Зрелище у окна вскоре заставило его остановиться с веселым и удивленным лицом.

Перед широким окном лежала груда взятых с дивана и кресел подушек. Выглядело это как только что покинутое кем-то гнездо. Рядом стояли снятая со стены картина в теплых тонах, освещенная лучом солнца, и табурет, а на нем – большой зеленый лист с несколькими ягодами и похищенная книга с красным пятном на титульном листе.

При виде своей оскверненной любимицы Мур нахмурился и, схватив книгу, запихнул в карман, однако, когда снова взглянул на приметы, оставленные одиноким пиршеством, так созвучным его собственному сердцу, смилостивился, вернул книгу туда, где она лежала, а затем, привлеченный звоном лопаты, отодвинул порхавшую на ветру занавеску и выглянул в сад.

Там, поблизости от окна, трудился какой-то паренек. Муру он был незнаком. И, любопытствуя, что за новый жилец появился в доме, забытый гость выжидал, когда тот повернется к нему лицом. Юноша отличался стройностью. Серая льняная блуза, по виду иностранного происхождения, поверх нее – белый воротник с лентой. Крепкие короткие сапожки плотно обхватывали его до странности изящные для существа мужского пола ноги. Широкополая шляпа была надвинута низко на лоб. Тихонько насвистывая, юноша энергично выкопал ямку, посадил в нее куст, засыпал его землей, притоптал ее соответственно научным рекомендациям, отошел полюбоваться результатами своих усилий, но, чем-то не удовлетворенный или что-то забыв, снова выдернул куст, схватил тачку, которая стояла рядом, с грохотом унесся и исчез из вида за углом. Стремительность его действий вызвала у Мура улыбку, и он стал с нетерпением ждать возвращения паренька, подозревая в нем очередного подопечного Марка, который подвизается в роли натурщика и одновременно садовника.

Вскоре юноша вновь возник в поле видимости. Опустив низко голову, он быстро катил по дорожке тачку, полную более плодородной земли, поверх которой высилась лейка. Не передохнув и секунды, деятельный садовник опять принялся за работу. Расширил яму, засыпал дно землей, полил водой из лейки, снова посадил куст, закопал его, притоптал, торжествующе пританцовывая, и наконец начал обмахивать разгоряченное лицо сорванной энергичным жестом с головы шляпой. Гостю теперь стало ясно, кто это. Плечи его чуть вздернулись от недоумения. Он взгляделся в открывшееся лицо пристальнее, понял, что глаза его не обманывают, улыбнулся и подумал: «Ну и неугомонное же существо. То тихой сапой пробирается в чужой дом и, никем не замеченная, исчезает, прихватив книгу, то полдня предается мечтам, то вот такой маскарад, как сейчас, устраивает. Интересно, спектакль уже доигран или продолжится? Только бы не спугнуть ее. Ведь если заметит меня, смутится и выйдет из роли трудолюбивого юноши раньше, чем намеревалась».

Придерживая занавеску от ветра, Мур укрылся за ней и продолжал наблюдать сквозь полупрозрачную ткань за происходящим в саду. Это его невероятно развлекало.

Сильвия еще какое-то время обмахивала лицо шляпой, а затем принялась расхаживать взад-вперед среди цветов, часто останавливаясь, то чтобы подобрать с земли сухой лист, то стряхивая с какого-нибудь растения вредное насекомое, то поворачивая к свету борющийся за жизнь росток. Похоже, она сейчас слилась с миром растений, испытывала общие с ними чувства и предугадывала их желания. Пальцы ее с поистине женской нежностью касались листьев и лепестков, и, снуя между растениями, она тихонько что-то напевала, и голос ее напоминал жужжание счастливо поглощенной своей работой пчелы.

– Забавное дитя, – тихонько проговорил Мур, глядя, как солнечный свет играет на непокорной ее голове, и прислушиваясь к мелодии, которую она напевала. – Просто тянет сейчас выйти к ней и посмотреть, как она воспримет мое внезапное появление. Предполагаю, совсем по-иному, чем большинство девушек.

Но план его так и остался неосуществленным. Звук подъезжающего экипажа заставил Сильвию сперва замереть, вскинув голову, а затем с видом испуганной лани броситься прочь, на бегу роняя сорванные цветы. Прибывшие мистер Юл, его старшая дочь и сын спешно направились навстречу гостю. Последовали приветствия, извинения за задержку. Дом, разбуженный голосами, ожил. В него ворвались оживление и суета. Лестница огласилась дробным стуком шагов вверх-вниз. Аппетитные запахи начали подниматься облаками из кухни, разносясь по комнатам. Ветер играл распахнутыми дверями. Словом, будто бы в заколдованном тишиной дворце в мгновение ока рассеялись чары.

Прю, торопливо приведя себя после поездки в порядок, воспламеняла своими приказами кухарку, и та была уже на стадии полувозгорания. Марк с отцом посвятили себя гостю. Так продолжалось, пока не последовал призыв к столу и не появилась Сильвия, до такой степени окутанная томным спокойствием, будто тачка с землей и льняной костюм садовника не имели к ней ровно никакого отношения. Мур удостоился от нее вежливого рукопожатия и скупых слов приветствия, а также взгляда, в котором читалось: «Что же, посмотрим, каков ты на самом деле. Я не принимаю друзей на веру».

Весь ужин она просидела с благовоспитанностью примерного ребенка, но по глазам ее можно было понять, что разговоры присутствующих она воспринимает далеко не по-детски, а с большой проницательностью, и едва намечавшаяся улыбка на губах, когда чьи-нибудь слова ее заинтересовывали или поражали, некоторой загадочностью своей свидетельствовала о том же. Когда все вышли из-за стола, она следом за Прю поднялась наверх, совершенно забыв о том беспорядке, в котором после ее пикника осталась гостиная. Мужчины вошли туда прежде сестер, и Марк немедленно выразил негодование по поводу как странных поступков вообще, так и касательно причуд Сильвии. Друг его и отец, напротив, отметили, что комната теперь выглядит весьма свежо и по-новому, после чего с хохотом опустили в лишенные подушек

кресла. Прю вошла посреди их смеха. Учиненный сестрой бедлам вывел ее из себя. Присутствие Марка, очень близкого друга, не вынуждало сдерживаться. И она раздраженно произнесла:

– Отец, этого ребенка срочно следует приструнить. Она все больше выходит из-под моего контроля. Я заставляю ее учиться, а она вместо задач по математике сочиняет стихи, вместо упражнений по английскому рисует карикатуры. Учителя музыки изводит вопросами о жизни Бетховена и Мендельсона, будто он был с ними в дружбе. Умоляю ее делать гимнастику, а она вместо этого носится, как амазонка, верхом на лошади по всему острову. В саду копается, будто ей этим надо на жизнь зарабатывать. Или уходит на веслах так далеко в залив, что сводит меня с ума. Каждый раз опасаясь, как бы ее не унесло течением в открытое море. Она от своей неумности вечно заболевает, а когда я пытаюсь ее лечить, выбрасывает лекарства в окно и угрожает следом за ними отправить почтенного доктора Баума, если его к ней вызовут. Но лечение ей непременно требуется. Надо, пока не поздно, привести ее в порядок. Она ведь то переполнена через край эмоциями, то впадает в такую сильную меланхолию, что сердце разрывается, на нее глядя.

– Ну и где же сейчас эта черная овечка из моего стада? Ты, надеюсь, не прогнала ее? – смеясь и не обращая внимания на жалобы старшей дочери, спросил мистер Юл.

– Полагаю, в саду, занимается самыми неприятными из своих тамошних питомцев. Если пойдете туда покурить, пожалуйста, Марк, вели ей идти домой. Она мне нужна.

Мистер Юл явно мечтал после еды подремать, поэтому Марк отправился в сад без него, но с сигарой и последовавшим за ним Муром.

– Тебе следует знать, что странная моя сестрица упорно цепляется за свои детские увлечения и радости, сколько Прю ее ни одергивает, а я ни смеюсь, – проговорил Марк, когда друзья вышли в сад под мягкое сияние летнего заката. – Она полна любви к миру и добрых намерений, но слишком застенчива или горда, чтобы одаривать ими человеческих особей, поэтому благодетельствует самым очаровательным образом нуждающихся обитателей земли, воздуха и воды. Ее подопечные вряд ли кого-нибудь привлекут красотой и мало кому покажутся интересными, но она к ним привязана, они вызывают в ней лучшие чувства, и чем безобразнее очередное несчастное существо, тем больше она готова ему посвятить себя. Сейчас сам увидишь. А ведь большинство юных леди впали бы в истерику при одном взгляде на какую-то из таких особей.

Но Муру компания Сильвии показалась вполне симпатичной. У ног ее сидела огромная толстая жаба, по рукаву платья карабкалась пухленькая гусеница, на плече чирикала слепая птичка, над головой вились пчелы, добродушно гудя, словно заметили сладкий цветок, а на ладони выдыхала последние мгновения своей краткой жизни маленькая мышь-полевка. Остановиться охваченной жалостью при виде чего-то подобного способна любая девушка с добрым сердцем, однако мало кому было дано сочувствие Сильвии. Оно отражалось и на ее лице, и в позе. Все ее существо сейчас откликалось на чужую боль с непосредственностью доброго ребенка, который спешит на помощь страждущему, не отягощаясь по-взрослому рациональными сомнениями, а стоит ли, есть ли смысл, принесут ли усилия хоть какой-нибудь результат. Эта детская непосредственность в сочетании с женственностью, уже достаточно ясно дающей о себе знать, придавали облику Сильвии пронизывающее очарование. И впечатленный Мур произнес еще прежде, чем Макс успел выпустить изо рта первый клубок сигарного дыма:

– Это гораздо лучше, мисс Сильвия, чем будуар, полный собачек, вышивки и романов. Позвольте спросить, не испытываете ли вы порой хоть легкое отвращение к иным из своих пациентов? Или щедрый порыв скрасить им жизнь пересиливает все прочие чувства?

– Я к иным людям испытываю отвращение, а к животным – нет, сколь безобразно они бы ни выглядели. Иных я люблю, а тех, кого полюбить не выходит, жалею. Глупо, может, с моей стороны так думать, но считаю, мне и самой это идет на пользу. Может, потом возникнет

желание помогать и людям. А пока его нет, исполняю свой долг, пытаюсь помочь бессловесным смиренным страждущим, которые отвечают мне благодарностью и лаской.

Покоряло тут все. Проникновенные интонации голоса девушки, ее искренность. Нежность, с которой она поглаживала умирающую мышку на своей ладони, будто тяжелобольного ребенка. Муру приоткрывалась еще одна сторона многогранной натуры Сильвии.

Она рассказала по его просьбе истории своих питомцев, и он, слушая, наслаждался той более тонкой историей, которая писалась на ее лице и в глазах открытой, щедрой душой. Когда рассказ девушки завершился, выяснилось, что мышка на ее нежной ладони уже навечно застыла. Оба молодых мужчины, зараженные состраданием Сильвии, начали вдруг совсем по-мальчишески помогать ей с похоронами несчастной. Чувства свои они прятали за улыбками, но над могилкой среди анютиных глазок потрудились от сердца.

Затем Марк передал Сильвии, что сестра ждет ее дома, и та отправилась выслушивать лекцию Прю – внешне смиренная, но до того далекая мыслями от мудрых поучений, что они пронесли мимо нее, как ветер.

– Теперь давай-ка прогуляемся в сумерках, пока Марк держит мистера Мура у себя в студии, а Прю еще не успела сочинить для меня новое наставление, – сказала Сильвия уже пробудившемуся от дремы отцу.

Они вышли на улицу и двинулись по широкой дорожке, которая опоясывала их большой дом.

– Отец окажет мне небольшую услугу? – спросила она, беря его под руку.

– Это именно то, для чего он живет, моя дорогая.

– Тогда его жизнь успешна. – Девушка притянула мистера Юла поближе к себе другой рукой.

Тот, покачав головой, вздохнул с сожалением, как бы предчувствуя, что покой его сейчас будет нарушен, но тем не менее благосклонно осведомился:

– И о какой же услуге просит меня моя милая дочь?

– Запретить Марку план, которым он мне угрожает. Это же просто заговор против меня. Ему взбрело в голову приглашать к нам всех знакомых своих джентльменов (а их очень много), с которыми я должна вести себя так любезно, чтобы им захотелось бывать у нас снова. Такие визиты, по его мнению, меня развлекают. Он считает, что мне необходимо развлекаться, и парочка воздыхателей для этого самое лучшее. Вели ему, пожалуйста, никого для меня не приглашать. Мне пока не нужны воздыхатели.

– Почему? – поинтересовался отец, весьма забавляясь ее откровениями под покровом сумерек.

– Я боюсь. Любовь очень жестоко обходится с некоторыми людьми. Чувствую, не помилует она и такую, как я, которая постоянно впадает в крайности, а пытаюсь поступить правильно, совершает ошибки. Любовь иногда даже самых мудрых сбивает с толку, а меня, наверное, вообще ослепит или сведет с ума. Потому предпочту еще очень-очень долго не иметь с ней ничего общего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.